

Э.-Б. М. Гучинова

ORCID: 0000-0002-9901-0131

✉ bairjan@mail.ru

Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, Элиста)

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДЕПОРТАЦИЮ КАЛМЫКОВ: ОТ ПОЕЗДОВ ПАМЯТИ К МЕДИАПРОЕКТАМ

Аннотация. Статья посвящена исторической политике в области культуры на материале Калмыкии. Проанализировано, как актуальная для калмыцкой идентичности тема тотальной депортации калмыков и их жизни в Сибири в качестве спецпереселенцев в 1943–1957 гг. отражается в организованных государством театрализованных акциях (таких как митинги памяти, Поезда памяти) и в визуальных медиапроектах (документальные фильмы «Они смогли и мы сможем», 2017, «Калмыки: Возвращение», 2018, «Сестры», 2020). Показана динамика в трактовке этого периода, еще недавно закрытого для публичного обсуждения, с 1990-х годов по настоящее время: от драматизированных оценок к более мягким, вписывающим историю депортации калмыков в историю Великой Отечественной войны. Автор делает вывод, что театрализованные мероприятия и визуальные медиапроекты — важное поле культурного производства, в котором государство видит не только зреющую составляющую, но и лабораторию, в которой произрастают новые смыслы социального.

Ключевые слова: депортация, калмыки, сталинизм, репрессии, Сибирь, политика памяти, театрализация, общество спектакля, Поезда памяти, медиапроекты, документальные фильмы

Для цитирования: Гучинова Э.-Б. М. Представляя депортацию калмыков: от Поездов памяти к медиапроектам // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 117–135.
<https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135>.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2020 г.
Принято к печати 9 ноября 2020 г.

E.-B. M. Guchinova

ORCID: 0000-0002-9901-0131

✉ bairjan@mail.ru

Kalmyk Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Elista)

PERFORMING THE DEPORTATION OF KALMYKS: FROM MEMORY TRAINS TO MEDIA PROJECTS

Abstract. The article raises questions of historical policy in the fields of culture and especially media-projects in the Republic of Kalmykia. As a topic that until recently (until 1990) was impossible to discuss in public, but is very important to Kalmyk identity, Stalin's total deportation of the Kalmyks to Siberia in 1943–1957 — is reflected in theatrical actions organized by the state (such as rallies of Memory, Memory Trains), as well as visual Internet projects (documentary films *They could and we can*, 2017, author of the project — television host Sangadji Tarbaev; *Kalmyks: Return*, 2018, *Sisters* by Mingiyan Mandjiev). The author traces the dynamics of the interpretation during the last 30 years: from dramatized assessments to softer ones that inscribe the history of the deportation of the Kalmyks within the history of the Great Patriotic War. The author argues that theater and Internet projects are an important field of cultural production, in which the state sees not only an entertainment component, but also a laboratory that grows new meanings of the social. Theatricalization of the traumatic past becomes an instrument of reconciliation with the past: this leads to a change in the historical discourse in the community, which perceives such spectacles as allowing them to become eyewitnesses to a distant event. As for documentaries with oral testimonies about the deportation, they are perceived as a dialogue with relatives with whom the viewers did not get to speak.

Keywords: deportation, Kalmyks, Stalinism, repressions, Siberia, politics of memory, theatricalization, society of performance, Memory Trains, media projects, documentary films

To cite this article: Guchinova, E.-B. M. (2021). Performing the deportation of Kalmyks: From Memory Trains to media projects. *Shagi / Steps*, 7(1), 117–135. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135>.

Received May 20, 2020

Accepted November 9, 2020

© E.-B. M. GUCHINOVA

Эта статья посвящена репрезентации депортации калмыков в исторической политике, начиная с Поездов памяти, которые организовывались с 1993 по 2004 г., до современных медиапроектов, созданных за последние пять лет. Такие мероприятия, как Поезда памяти, а также театральные постановки (спектакль «Араш» и опера «Калмычка»¹) и медиапроекты приобретают все большую значимость, поскольку «история перемещает центр тяжести из университетов (науки) на рынок культуры» [Ассман 2019: 524]. Однако рассматриваемые в статье проекты стали возможны, потому что влились в историческую политику государства и в ее конкретные задачи. Мы наблюдаем, как историческая политика использует визуальные проекты, когда надо предложить обществу государственное видение той или иной исторической проблемы. Ведь «культурные конструкции всегда — ответ на запрос политического свойства» [Добренко 2020: 17]. Я постараюсь ответить на вопрос, как государство в общественном пространстве с помощью акций и зреящих влияет на нарратив о депортации калмыков.

В качестве источников используются опубликованные хроники двух из четырех Поездов памяти [Панькин, Папуев 1994; Бакаев и др. 2002], телевизионные передачи Калмыцкого ТВ, видеопроекты и записи некоторых мероприятий, размещенных в общем доступе на Фейсбуке и на платформе YouTube.

Краткий экскурс

Указом 27 декабря 1943 г. Верховный Совет СССР, обвинив калмыцкий народ в нелояльности советской власти, ликвидировал Калмыцкую АССР. В ходе операции «Улусы» целый народ (примерно 110 тыс. чел.) был депортирован в Сибирь. Утром 28 декабря 1943 г. в каждый калмыцкий дом пришли солдаты, зачитали указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» [Бакаев и др. 1993: 18–19] и дали растерянным людям до двух часов на сборы. Большая часть взрослых мужчин (21 129 чел.) была на фронте [Максимов 2010: 344]. В марте 1944 г. их отзвали с фронтов; рядовые и сержанты оказались в трудовом лагере Широклаг, а офицеры добивались права вернуться на фронт или ехали в Сибирь к своим семьям.

Долгая транспортировка людей зимой в неотапливаемых скотских вагонах, первые месяцы в Сибири и Широклаг остались в социальной памяти калмыков как самые болезненные пункты. Другими травмирующими факторами стали большие человеческие потери (за первый год после выселения погибло 18% сосланных калмыков [Очирова 2009: 588]), а также то, что на протяжении 13 лет калмыки были в положении народа-изгоя. В марте 1956 г. вышел указ Верховного Совета СССР о снятии ограничений с калмыков; в 1957–1958 гг. большинство высланных вернулось в повторно образованную Калмыцкую автономную область (с 1958 г. — Калмыцкая АССР), однако молчание о самом факте выселения не только в публичном пространстве, но даже в приватной

---

¹ Подробнее об этом см. статью автора «Историческая политика в России и опыт театрализации травматического события: депортация калмыков (1943–1956)», готовящуюся к публикации в журнале «Inner Asia» (2021).

сфере (калмыки вспоминали эпизоды о жизни в Сибири, но не рассказывали, почему они там оказались и в каком статусе) сохранялось еще тридцать лет: эпоха гласности в республике началась в 1990 г., когда появились первые публикации о депортации в республиканской прессе.

В начале 1990-х годов тема депортации калмыков была остро актуальной, а сам народ виктимизировался; в последние годы эта тема преподносится в смягченной форме и ежегодно актуализируется 28 декабря. В этот день, являющийся в республике траурным и нерабочим, у мемориала «Исход и возвращение» (скульптор Эрнст Неизвестный; 1996) проводится митинг, на котором выступают высшие чиновники республики.

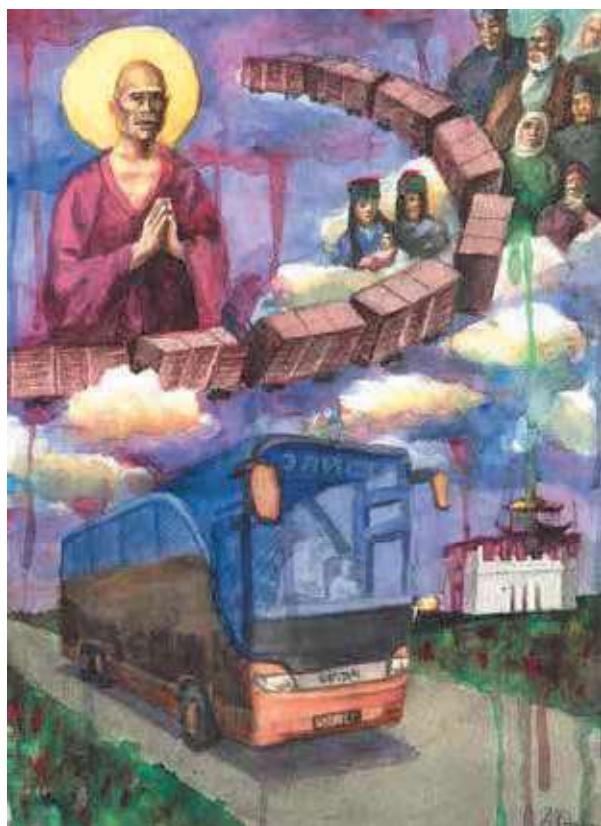
Память о депортации актуализируется также 9 Мая. В последние годы этот день трактуется как праздник победы не только над врагом, но и над всеми тяготами военных и послевоенных лет. Поскольку тотальные депортации возмездия, или депортации «наказанных народов» (термин А. М. Некрича), осуществлялись в военные годы, официальная идеология стремится объединить все испытания и потери этих лет под одним знаком — знаком войны.

Так дважды в год достигается «синхронизация коллективных эмоций» [Oushakine 2013: 274] народа, что способствует укреплению его идентичности на основе прошлых испытаний. В этом и заключено «аффективное управление историей, цель которого связать вспоминающих людей вместе, предоставив им социальное пространство и символические инструменты, которые могут помочь сделать такую связь ощутимой» [Ibid.: 275].

Производством смыслов в сфере исторических оценок этого периода в истории народа занимаются республиканские власти. Память о депортации поддерживается таким образом, что она мобилизует чувства людей, становится перформативным актом и не столько описывает историю, сколько воссоздает ее.

Сейчас депортация в Сибирь осмысливается калмыками как испытание народа на крепость духа и на верность родине. Очевидцы вспоминают жизнь в Сибири не как сплошную черную полосу, а как период, в котором было много плохого, но хорошего было больше. Калмыки испытывают имплицитную гордость за то, что смогли пережить годы испытаний и вернуться без озлобления, не отягощающая карму себе и детям. Этому способствует и утверждающийся в последние десятилетия в республике буддизм, согласно которому верующий должен быть милосерден даже к тем, кто поступает к нему несправедливо.

В то же время слышны и противоположные голоса: экономическая ситуация в дотационной республике рассматривается как символически близкая к депортации — безработица в Калмыкии вынуждает трудоспособное население искать работу в других регионах страны, дети снова растут без родителей, которые уехали на заработки. В социальных сетях распространялся рисунок А. Ю. Давыдова «Circles» (2013), где изображены современные автобусы, в которых калмыки едут на работу в Москву, и эшелоны, увозящие калмыков в Сибирь в 1943 г. (см. с. 121). Сообщество, особенно оппозиционные круги, допускают перспективу ликвидации Калмыкии как субъекта РФ путем объединения с соседней областью или краем, тем более учитывая уже имевшие место precedents объединения нескольких субъектов федерации. Подобные страхи регулярно проговариваются в социальных сетях и на митингах оппозиции, но этот сценарий все же остается маловероятным.

A. Ю. Давыдов. Circles. 2013
A. Yu. Davydov. Circles. 2013

Общество спектакля в годы репрессий

Постановочные мероприятия, организованные властью на местах, нередко были адресованы и депортированным. Фальшь массовых постановок в условиях репрессий бросается в глаза современному человеку, но в период депортации и ссылки она часто не осознавалась калмыками. Например, калмыки,озванные с фронта под предлогом формирования национальной части, в марте 1944 г. были направлены в Молотовскую область (ныне Пермский край), в лагерь принудительного труда Широклаг. На станции Половинка эшелоны с красноармейцами-калмыками торжественно встречали с духовым оркестром и приветственной программой. Узник Широклага Улюмджи Даваев в передаче Калмыцкого ТВ вспоминал: «...мы себя почувствовали участниками праздничного действия. Нам дали концерт, и мы приняли в нем участие» [Мукабенова 2000]. Это свидетельство подтверждает правоту слов Михаила Рыклина, что «тоталитаризм — это спектакль, создаваемый для внешнего мира, реальность которого определяется именно этим пространством взгляда» (цит. по: [Жеребкина 2006: 54]).

Для чего же нужен был такой спектакль? Торжественная встреча будущих узников должна была иметь свои цели. Видимо, эта постановка была задумана, чтобы успокоить сотни фронтовиков, не подозревающих, что они скоро станут заключенными. Конвоиры опасались бунта сотен красноармейцев, прибывших с передовой, пусть и разоруженных, ведь они как никто понимали ложность обвинения. Торжественный прием успокаивал прибывших, и после концерта они строевым шагом маршировали в лагерь. Эти постановочные мероприятия фиксировались в ведомственных отчетах и, возможно, освещались в прессе, где искусственность таких мероприятий нельзя было опознать.

Перформанс продолжался в лагере — заключенные были организованы в военные подразделения; действовали комсомольская и партийная организации, и вообще имитировались многие элементы обычной жизни [Неяченко 1994: 28]. Это были симулякры социальных отношений, конструировавшиеся в соответствии с замыслом руководителей (см.: [Debord 1983: 4]).

Участник строительства Широковской ГЭС Ц. Х. Бамбышев вспоминал:

Истощенные, измученные люди не выполняли установленные планы и задания. Осенью руководство стройки выступило с большевистским призывом: «Коммунисты и комсомольцы! Вы зачислены в отдельную ударную бригаду, будете работать в ночную смену» [Неяченко 1994: 32].

Самым распространенным спектаклем советской эпохи были выборы. Чтобы выборы были «общенародными», нужно было обеспечить возможность участия в них многочисленных групп репрессированных. Без специального разрешения коменданта ссыльные калмыки не имели права выезжать за 5 км от населенного пункта, в котором они проживали [Гучинова 2020b: 99]. Другое дело — выборы, участие в которых было обязанностью и долгом каждого советского гражданина, поэтому поддерживалось руководством. Для самих калмыков выборы были отдушиной, возможностью участвовать в общественной жизни наравне с другими гражданами СССР. Для них, как и для миллионов сограждан, «было крайне важно участвовать в самом акте голосования, но не так важно, за кого...» [Юрчак 2016: 71]. Участие в выборах было однодневной формой социальной реабилитации, возможностью забыть о поражении в других правах.

Видимо, поэтому для многих калмыков, чье детство пришлось на годы ссылки, с выборами были связаны самые праздничные воспоминания. Перформативная составляющая для сосланных во время выборов удваивалась. Во-первых, это была редкая возможность публично продемонстрировать локальному сообществу, что они такие же граждане страны, что они — не лишенцы, поэтому люди ехали голосовать в приподнятом настроении, в нарядной одежде. Во-вторых, во многих районах выселения с преимущественно европеоидным населением калмыки чувствовали себя расиализированным меньшинством. На выборах их присутствие было заметно, но в эти дни они не стеснялись своей антропологической инаковости. Более того, в этом случае расовая перформативность становилась способом протеста и проявления солидарности (см.: [Roxworthy 2008: 14]).

Поезда памяти

В 1993 г. в Калмыкии была апробирована новая — мягкая (ср. [Эткинд 2016: 228]) форма работы с травматическим прошлым — Поезда памяти. Эти поезда были организованы администрацией президента Республики Калмыкия (далее — РК) в 1993, 2001, 2002 и 2013 гг. Не исключено, что специальный указ президента республики о формировании Поезда памяти, например в 2002 г. [Бакаев и др. 2002: 12–14], был также репликой на указ ВС СССР от 27 декабря 1943 г., давший старт операции «Улусы».

Первый Поезд памяти «Калмыкия — с благодарностью сибирякам» (1993) совершил поездку по маршруту Тюмень — Омск — Барнаул — Томск — Красноярск — Новосибирск². Мероприятие проводилось в первый год президентства в РК 33-летнего Кирсана Илюмжинова. В поезде ехали 324 пассажира, которым этот маршрут был знаком по 1943 году. Акция была согласована с федеральными чиновниками, что вывело ее за локальные рамки республики. Поезд проследовал мимо центров регионов, в которых в годы депортации проживали калмыки, хотя высланных распределяли не в крупные города, а в дальние села и деревни. Целью властей зимой 1943–1944 г. было не только «наказать провинившихся», но и восполнить нехватку рабочих рук в глубинке. Поселиться в городах, особенно расположенных на узловых железнодорожных станциях, стало возможно только после 1955 г., поэтому такое представление, несомненно, предлагает смягченную версию истории.

Организаторы акции хотели не только выразить благодарность сибирякам «за доброту, милосердие, поддержку в трудные для калмыцкого народа годы», как сформулировал президент РК Кирсан Илюмжинов [Панькин, Папуев 1994: 20], но и показать, каких успехов достигли калмыки на своей вновь обретенной родине, чтобы местные жители могли оценить социальные достижения бывших спецпереселенцев. Для этого в поезде ехали четыре творческих коллектива, составляя примерно треть состава.

Многие пассажиры хотели посетить места своей юности, встретиться с друзьями детства, помянуть погребенных в сибирской земле родственников. Для совершения поминальных обрядов в поезде ехал буддийский священнослужитель.

Первый Поезд памяти отличался от регулярных составов. Для проведения акции Северо-Кавказская железная дорога выделила новые теплые вагоны и квалифицированную поездную бригаду, работавшую на международной линии Минеральные Воды — Варшава. Расписание поезда было составлено так, чтобы он мог проходить большие расстояния без остановок [Там же: 258].

Кроме маршрута из Калмыкии в Сибирь, этот состав напоминал поезда 1943 г. наличием охраны — но уже в интересах пассажиров; в каждом вагоне выбирался старший. Как и в эшелонах зимы 1943 г., в нем ехали люди монголоидного облика. Поезд приходил на станции и уходил без обычного объявления по громкой связи; случайных свидетелей озадачивали таблички «Минеральные Воды — Варшава». На вокзалах двери вагонов не открывались, люди не выходили. В окнах многих купе были видны горящие лампады [Гучинова 2005а: 258–260].

---

² Сюжет о Поездах памяти был впервые разобран мною в [Гучинова 2005а: С. 257–262].

Наряду с этим, условия в Поезде памяти существенно отличались от условий в «эшелонах бесправия». Не полагаясь полностью на организацию питания в поезде, организаторы предусмотрели запас продуктов; теперь пассажиры получали не бесплатную баланду («один мешок, два ведра» на вагон), а питание в двух вагонах-ресторанах. Вагоны были пассажирскими, мягкими, утепленными; если в 1943 г. о медицинской помощи нечего было и думать, то в 1993 г. и в последующие годы пассажиры перед выездом проходили медицинский осмотр, а в составе команды были врачи.

В каждом городе поезд встречали хлебом-солью представители местной администрации. В 1944 г. председатели колхозов тоже встречали приехавших калмыков, чтобы отобрать нужное количество работников, обеспечить транспортировку депортированных в села и их принудительное расселение по домам сибиряков. Таким образом, Поезд памяти редактировал историю «эшелонов бесправия», переписывая ее в гуманном варианте. Как писали авторы книги об этой акции, «Поезд Памяти стал настоящим Поездом Дружбы между народом Калмыкии и сибиряками» [Панькин, Папуев 1994: 3].

Опыт Поездов памяти был полезным и для рядовых граждан, и для представителей власти, потому что обычно память не хранит готовые тексты, «как было», но всякий раз редактирует запрос о прошлом, обновляя дискурсивные оценки. Об успешности этого мероприятия говорит то, что поезда отправлялись в места выселения четырежды, желающих поехать в них каждый раз было все больше, и количество мест в каждом следующем составе только увеличивалось.

Второй Поезд памяти (май 2001 г.) шел до Красноярска и был рассчитан уже на 450 человек. Третий поезд (май 2002 г.) назывался «Дети войны — дети Сибири». В эту поездку отправились 500 человек, родившихся на сибирской земле. Их можно назвать «поколением полтора»³: они не относятся ни к «поколению 1», представители которого были депортированы, ни к «поколению 2», которое родилось после возвращения. Называя их «поколением полтора», я имею в виду, что они родились за Уралом, имели личный опыт жизни в статусе спецпереселенцев, но все-таки не испытали тех трудностей, которые достались на долю их родителей. Один из них так описывал свои чувства:

Мы отправляемся той же дорогой, что и наши родители. И если для них декабрь 1943-го, когда всех увозили в неизвестность, стал страшной датой, как и в истории калмыцкого народа, то сегодня мы уезжаем в Страну детства и юности [Поезд 2002].

Поезда памяти можно сравнить с акциями движения «Redress», которое в 1970–1988 гг. добивалось извинений от правительства США за незаконные превентивные массовые депортации американцев японского происхождения с западного побережья США в лагеря в пустынные штаты страны после бомбардировки Пёрл-Харбора. Активисты устраивали маленькие спектакли, разыгрывая сцены выселения зимой 1941–1942 гг. Например, несколько семей паковали вещи, собирали еду и вместе с детьми в определенный час собирались на железнодорожной станции, где несколько часов сидели, как будто

---

³ Я благодарна Г. Шагоян за эту формулировку.

ожидала поезд [Takezava 1995: 53]. Важное различие между этими акциями состоит в том, что Поезда памяти были организованы государством и задуманы как диалог с сибирским населением, а акции движения «Redress» проводились по инициативе активистов. Поезда памяти получили поддержку со стороны администрации, поскольку снаряжались с позитивными целями: скрепляли разные регионы страны благодарной памятью и показывали другим травмированным в советскую эпоху народам и социальным группам, как работать с прошлым в современной России.

В 2007 г. вышел фильм «Агитбригада “Бей врага!”» (сценарист и режиссер В. Мельников), в котором рассказана другая сибирская история. Летом 1944 г. агитбригада едет по селам вдоль реки, чтобы показать актуальные фильмы и провести политинформацию для местного населения. В фильме есть эпизод: по Оби плывет баржа, на которой везут калмыков. Режиссер специально показывает их с маркерами этничности, которые позволили бы за полминуты узнать представителей народа: женщины с традиционными калмыцкими прическами, в национальных платьях, с конем и собранной юртой. Поезда памяти в чем-то напоминали агитпоезд. Поездки открывались и завершались митингами, имели фиксированный маршрут, встречи в населенных пунктах были запланированы, в их рамках проводились концерты калмыцких творческих коллективов, на вокзалах городов приходили сибиряки, которые помнили своих друзей детства — калмыков; многие узнавали друг друга. По радио и телевидению транслировались воспоминания о жизни в Сибири участников поездок, которые рассказывали в том числе о своих школьных учителях, в результате дети и внуки этих учителей приезжали приветствовать учеников своей мамы-бабушки. Совместные воспоминания сближали людей, и итоги встреч были позитивными. После проведения первых двух поездок вышли обобщавшие этот опыт книги, в которых публиковались не только воспоминания участников, но и маршрут, состав ехавших, расписание мероприятий, сценарии митингов, благодарственные письма, фотографии [Панькин, Папуев 1994; Бакаев и др. 2002].

Поезда памяти можно отнести к нерелигиозному паломничеству — паломничеству к корням, поскольку «они в определенном смысле обращены на преобразование внутреннего мира участника через телесные практики перемещения и позволяют в некоторой степени отождествить себя» [Габович 2020: 400] с воображаемыми персонажами коммеморируемых исторических событий. Как и после паломничества, люди возвращались домой иными, нежели уезжали. Эти мобильные путешествия в прошлое с целью пережить и пересмотреть травмирующий депортационный опыт стали психологической терапией самого калмыцкого общества, которому они были необходимы. Поезда памяти помогли переоценить историю депортации, дав людям возможность увидеть в прошлом немало позитивного, примириться с ним. Такая оценка прошлого совпадает и с буддийскими подходами к пережитым трагедиям.

Поезда памяти можно также представить как форму мобильных массовых мероприятий, в которых режиссером и сценаристом выступает государство, а участники «иммерсивного театра» — простые люди, которые поехали Поездом памяти в собственное прошлое. Во время многих встреч и митингов на сибирской земле пассажиры рассказывали свои семейные истории, а сибиряки

вспоминали, как они жили в одном сообществе со ссылочными калмыками. Так встречались два нарратива о совместном трудном прошлом, и через десятилетия люди медленно поднимались над своей травмированностью — навстречу пережитым бедам собеседников. Ведь сосланным калмыкам тогда было не так очевидно, насколько тяжело было сибирякам, к которым в деревню или село в течение 15 лет привозили немцев, эстонцев, поляков, латышей, литовцев, калмыков, чеченцев, армян и др., заселяя «врагов народа» в приватное пространство однокамерной сибирской избы. Местные жители, например алтайских сел, не относились к «наказанным» группам, но их положение часто не отличалось от положения репрессированных: они не имели паспортов, не могли поехать в другие города страны, их также могли принудительно призвать в тружармию — на лесоповал и т. п., в их дома принудительно вселяли семьи депортированных [Щеглова 2019: 212–213].

Создание совместного нарратива становилось общегражданским переосмыслением советской истории, в которой побеждали человечность, дружба и другие нравственные символы советской эпохи. Меняя акценты в прожитой истории, пассажиры Поезда памяти и их сибирские ровесники поднимались над обыденными сюжетами, ведь те, кто рассказывает историю, формируют коллективные представления.

Визуальные интернет-проекты

В последние годы в Интернете появились документальные фильмы, посвященные депортации калмыков. В 2012 г. был начат национальный проект «Они смогли, и мы сможем», задуманный к 70-летней годовщине депортации. Главным результатом проекта стал одноименный документальный фильм, размещенный в YouTube 27 сентября 2014 г. [Тарбаев 2014]. На 15 ноября 2020 г. было зафиксировано 31 139 просмотров. Автор идеи и проекта — Сангаджи Тарбаев, бывший кавээнщик, член Общественной палаты РФ (2014 г.). Проект, частично получивший финансирование правительства РК, был осуществлен калмыцким медиахолдингом «Бумба». Кроме указанного фильма, в YouTube под тем же названием размещены три коротких ролика на основе заснятых в проекте материалов (например: [Санджиев 2020]).

Организаторы проекта записали на камеру рассказы 327 человек о Сибири; в фильме материал нарезан по 1–2 мин. Использованы черно-белая хроника военного времени и современная цветная съемка, которая проходила как в домах рассказчиков, так и в сакральных для калмыцкого народа местах — в буддийских храмах (хурулах) и у священного одинокого тополя. Когда рассказчики говорят на калмыцком языке, идут титры с русскоязычным переводом. Под размещенным в YouTube видеофильмом выложена аннотация:

Без вины виноватые, наши аавы и ээжи⁴, наши мамы и папы, прошедшие 13-летнюю сибирскую ссылку, перенесшие все тяготы депортации... И не сломавшиеся под гнетом геноцида... Вам посвящается! «Они смогли, и мы сможем» — проект Сангаджи Тарбаева.

---

⁴ Дедушки и бабушки (калм.).

Некоторые рассказчики сняты в сценической национальной одежде. Это может говорить о том, что для разговора о периоде, когда быть калмыком было трудно, люди маркируют свою этничность, которая уже перестала быть стигмой. В то же время сценическая одежда в домашней обстановке намекает на некоторую постановочность.

Интересно название проекта, особенно вторая часть: «...и мы сможем». Что стоит за этим своего рода «сможем повторить»? Сможем сохранить самосознание народа в условиях репрессий по этническому признаку? Но разве в наши дни есть угроза существованию калмыцкой идентичности или государственности? Хотя в 1943 г. калмыки не чувствовали угрозы для своей автономии, но сейчас, кажется, совсем другие времена.

На мой вопрос, что значит «...и мы сможем», один из исполнителей проекта ответил: «Преодолевать трудности». «Мы сможем» работать на лесоповале? Есть падаль? Зимовать в землянке? Эти испытания мне, например, не по силам. Молодежь, называющая так национальный проект, недооценивает трудности старшего поколения, нормализуя их.

Совет молодых ученых Института комплексных исследований аридных территорий снял документальный фильм о депортации «Калмыки: возвращение» [Чемидова 2018]. Фильм был представлен в Интернете 28 декабря 2018 г., на сегодняшний день его просмотрело свыше 23 700 человек. Первые семь с половиной минут фильма авторы представляют тех, кто участвовал в съемке — 38 человек, при этом представлены не только их имена, отчества и фамилии, но и важная в данном контексте биографическая информация: в каком возрасте человек был депортирован и куда именно. Далее следуют нарезанные в хронологической последовательности фрагменты нарративов: разделы «Как выселяли» (25 мин.), «На земле Сибирской» (30 мин.) и «Вдохнуть полынный запах степи» (25 мин.). Нарезая интервью фрагментами по 30–40 секунд, авторы проекта сами отбирают сюжеты, которые им показались яркими, таким образом формируя дискурс при помощи чужих слов, отводя каждому участнику не более двух минут на весь фильм. Конструкт коллективной вины, согласно которому был наказан весь народ, отразился в коллективном нарративе, в котором за одну-две минуты человек не может рассказать ни семейную, ни личную историю. В конструировании коллективной памяти авторами проекта он теряет субъектность.

Название фильма вновь вызывает удивление. Он посвящен годам в Сибири, примерно треть хронометража (25 мин.) отдана рассказам о возвращении, а большая часть ленты повествует о процессе депортации и о жизни «на земле Сибирской», как назван раздел фильма. Почему же акценты в названии смешены? Возвращение — хороший финал фильма о сибирской эпопее, но это название не соответствует содержанию фильма. Почему авторы проекта стремились избежать слова *депортация*? Если авторам не хочется вспоминать об унижении народа, то для чего они включают рассказы об этом в фильм? Очевидно, что они реализовали свой замысел, но название фильма неадекватно содержанию. Если отказаться от идеи внешних ограничений, то остаются рациональные причины: например, получить финансирование на создание продукта с позитивным названием легче, чем с негативным. Можно также предположить, что в республике еще не сложился язык описания этого пери-

ода, нет надежных терминов для осмыслиения этой истории. Первоначальный замысел содержал идею издания устных историй о депортации, но фонд Президентских грантов был готов поддержать заявку не на издание книги, а на создание визуального продукта, потому что молодежь, целевая аудитория программы фонда, предпочитает смотреть, а не читать.

Оба видеофильма ценные зафиксированными свидетельствами. Но ценность проведенной работы была бы существенно выше, если бы полнометражные записи рассказов стариков были выложены в онлайн-архив, подобно тому как в Мемориальном музее Холокоста представлены 200 часов видеоматериалов, отснятых для фильма «Шоа» Клода Ланцмана (1985).

Отсутствие языка для описания истории депортации — не только научная, но и социальная проблема, которая стала очевидной на вечере памяти «Душа моя жестоко ранена», состоявшемся 22 декабря 2018 г. в Калмыцкой этнокультурной гимназии в Элисте и запись которого также размещена на YouTube [Вечер памяти 2018]. Мероприятие, посвященное 75-летию со дня депортации калмыцкого народа, было организовано учащимися 8-х классов. Вначале школьники демонстрировали свои работы в рамках проекта «История моей семьи в истории моего народа», затем выступали приглашенные гости. Кульминацией мероприятия стало выступление заслуженной артистки РК Гиляны Убушиевой, которая прочитала стихотворение поэта Валерия Шакуева «Исповедь каторжанки».

Сюжет стихотворения — рассказ калмычки, который она произносит с того света, — о том, как она, вдова солдата, погибшего под Москвой, с тремя детьми оказалась «в деревне Енисейские дали» и на лесоповале попала под упавшее дерево. Женщина рассказывает, как ее привезли домой и она успела дать последние распоряжения детям. В конце стихотворения героиня проклинает Сталина и его «волчий указ», заканчивая свой монолог пожеланием всем людям:

Молюсь за вас, мои родные люди!
Желаю счастья, мира и труда!
Страданий наших пусть у вас не будет
На белом свете больше никогда!

[Шакуев 2018]

Видно, что героиня, 29-летняя женщина, выросшая при советской власти, вполне впитала советскую риторику и объединяет в своем монологе повествование о своей смерти, первомайские лозунги, молитву, проклятия виновным (калм. *харалы*) и благопожелания (калм. *йоряли*).

Вновь смущает заголовок произведения. Слово *исповедь* дезориентирует читателя, уводя его ассоциации от буддийской традиции гелугпа, к которой относят себя верующие калмыки, к традиции христианской, а слово *каторжанка* отсылает из советского сталинского времени к более ранним, царским временам. Есть еще одно существенное различие — каторжанка осуждена, а калмыки были «наказаны властью» во внесудебном порядке, согласно указу Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. Автор использует слова, не задумываясь о том, что в таком сочетании они дискурсивно меняют существо вопроса юридически и исторически, представляя слушателю или читателю

ложную интерпретацию истории. Не только запись вечера, но и текст стихотворения тиражируется в Интернете в соответствующие даты. Как отмечалось выше, язык описания истории депортации в Калмыкии еще не выработан, поэтому неудивительно, что никто в республике не пытался корректировать заголовок, так как читателям кажутся важными сама тема депортации и рассказанная история.

В 2020 г. в Инстаграме и в YouTube появился документальный фильм Мингияна Манджиева «Сестры» [Манджиев 2020]. Будущий режиссер кино и ТВ, студент Государственного института телевидения и радиовещания стал снимать небольшие бюджетные зарисовки. Ролик «Сестры» отражает тему депортации непрямо: сняты рассказы не калмыков, переживших депортацию, а двух сестер, Зои Матвеевны Гавшаевой и Нины Матвеевны Халгаевой, в девичестве Гайкиных. Нина Матвеевна вышла замуж за калмыка-спецпереселенца и приехала с ним в Калмыкию, а ее младшая сестра Зоя Матвеевна приехала в гости к старшей сестре и вышла замуж за местного калмыка. Сестры покинули Сибирь, признав Калмыкию новой родиной, всю жизнь проработали на животноводческой стоянке (чабанской точке), значит, приняли самый настоящий калмыцкий образ жизни.

Автор фильма — режиссер, оператор и монтажер в одном лице — узнал, что в пос. Яшкуль живут бабушки с сибирско-калмыцкой судьбой. Утром сел в машину, через час был в поселке и в течение дня отснял материал. Женщины, уже вдовы, рассказали о своей жизни. Как повествует Нина Матвеевна —

Мне 22 года было, а Бадме — 25. Ну, как молодые влюбляются? Мы стеснялись... Его мама сначала ругалась: «Русскую берешь...» Моя мама тоже не одобряла. Ну, я отмолчусь... Когда мы сюда ехали, мне говорили: «Куда едешь, там же голая степь кругом...» Когда мы приехали в 1958 году, я этой водой не могла голову промыть, плакала... А теперь мне ничего другого не надо.

Фильм получил теплый отклик в Сети — за первые две недели его посмотрели более 60 тыс. человек (в соцсети «ВКонтакте», в Инстаграме и на YouTube). Чем он отличался от рассмотренных выше видеопроектов? Кроме отличной истории, перед нами иной тип повествования. Нина Матвеевна и Зоя Матвеевна — в полном смысле героини фильма. Автор строит повествование, в котором сестры и их рассказы находятся в центре внимания, в то время как рассказы героев предыдущих видеопроектов вставлены в заранее выбранные рамки. В своей естественной обстановке — в доме, во дворе, на улице сестры с удовольствием рассказывают о прожитом. История сестер Гайкиных показана просто и узнаваемо; похоже, что зритель с ними давно знаком.

Самое важное — в фильме нет жесткой нарезки, оставляющей от рассказов приглашенных отрывки длиной в одну-две минуты. В фильме Манджиева сестры рассказывают только о своей жизни, но целых 13 минут 38 секунд. В нем нет посредника — монтажера с «ножницами», которые становятся инструментом власти. Между рассказчицами и зрителем нет иерархически заданного формата, героини сами создают в кадре смыслы, понятные зрителям. Как сформулировала одна из зрительниц, «последняя сцена с песней и отъезжающей машиной создает ощущение закрытия — как будто сначала мы

zoomed in в жизнь сестер, а потом zoomed out⁵. Этот проект удался, потому что автор абсолютно свободен в своем творчестве, он снимал, исходя из своего вкуса и ресурсов — «просто для людей»⁶.

Концерт в Кремле. Историческая политика государства в последнее время вписывает историю тотальных депортаций «возмездия» в рамки истории Великой Отечественной войны, в которой вину за все разрушения и человеческие потери несет агрессор — нацистская Германия. Сокращающаяся коммуникативная память вызывает к жизни феномен постпамяти (Марианна Хирш), который в Калмыкии проявляется эмоциональными постами в социальных сетях 28 декабря и 9 Мая и накануне этих дней. В текстах, которые своим драматизмом могут привести к повторной травматизации, число погибших во время выселения растет с каждым годом: от «одной трети» всего народа до «больше половины». Именно такая оценка демографических потерь прозвучала на концерте мастеров искусств РК в честь 100-летия калмыцкой автономии, и это многократно преувеличенное число становится почти официальной оценкой со стороны республиканских властей, если она озвучивается в самом «сердце страны» и в Кремле, являющимся символом власти государства. Однако это число существенно превышает данные ведомственных документов, которые свидетельствуют о том, что в дороге погибло 1164 человека [Бакаев и др. 1993: 123].

Концерт, состоявшийся 11 марта 2020 г., стал центральным событием юбилейных торжеств (см.: [Концерт 2020]). Никогда до этого мероприятие, посвященное калмыцкой культуре, не проводилось в столь престижном месте. Удачное время его проведения — до введения самоизоляции в связи с пандемией коронавируса — позволило собраться в Кремлевском дворце съездов калмыкам, проживающим в Москве, и большому количеству гостей из республики. Крупные предприятия снаряжали автобусы для своих сотрудников. Блогеры начинали стримы за час до открытия, приветствуя сотни земляков, пришедших на концерт.

Представление открылось музыкально-хореографическим прологом, повествующим об истории народа. Организаторы представили исторический экскурс в традициях советского прочтения истории, в котором все развивалось в сторону «светлого будущего»: иное прочтение истории в Калмыкии еще не сформировано. На сцене интересующий нас период выглядел следующим образом. После того как была сыграна сцена, изображающая объявление войны и прощание с подругами мобилизованных на фронт парней, прозвучал текст указа от 27 декабря 1943 г. о ликвидации Калмыцкой АССР. 13-летний период депортации был проиллюстрирован танцем Зеленых Тар — бодхисаттв, родившихся из слез Будды, оплакивающей страдания мира. Только фотографии калмыков, сделанные в Сибири и проецировавшиеся на задник сцены, говорили зрителям о том, что речь идет о периоде 1943–1956 гг. Таким образом, история выселения народа была вписана не в историю СССР, а в круговорот страдания как неотъемлемую часть буддийской картины мира, в которой нет виновных.

---

⁵ Переписка в мессенджере с А. Мухлаевой.

⁶ Переписка в мессенджере с М. Манджиевым.

* * *

Как и некоторые авторы документального кино, о которых речь была выше, я тоже собираю антропологические интервью о депортации калмыков. Практически все собеседники (их более 20) в целом спокойно вспоминают те годы, иногда ностальгируя по сибирской юности (см., например: [Гучинова 2005b; 2008; 2019a; 2019b; 2019c; 2020a; 2020b]).

За годы гласного обсуждения депортации калмыков мы наблюдаем в публичном дискурсе разворот от трагического нарратива к позитивному [Александер 2013:164] с акцентом на благодарность жителям Сибири. В приватном пространстве, рассказывая о собственной судьбе, мои собеседники никогда не акцентировали травматическую часть семейной истории. Для всех моих собеседников эта история — горькая и трудная — пережита и осталась в XX в.

Политика благодарности, которую мы видим в Калмыкии, обусловлена в том числе тем, что республика — экономически дотационный регион и ее руководители не могут предъявлять исторические счеты руководству страны. Эта политика, кроме того, актуализируется там, где «те, кто должен был покаяться, не готов к этому, а группа “жертв” не хочет жить с неразделенной памятью, а потому ищет нового адресата для разделения своей памяти. Но поскольку травматическую память сложнее разделить, ее трансформируют в позитивное чувство благодарности, забывая множество тяжелых сюжетов» [Шагоян 2021], забывая об обидах и помня о помощи, солидарности и дружбе.

Представление травматических событий прошлого через театрализованные практики катарсиса или духовные практики медитации и молитв позволяют редактировать травматическую память в смягченной версии примирения с прошлым. Поставленные сцены и записанные видеовоспоминания, просмотренные тысячами зрителей, становятся частью воображаемого политического калмыцкого национализма.

13 лет в Сибири стали своего рода перековкой народа. В лагерях заключенные погибали, исчезая из социального пространства, или после освобождения предпочитали жить по правилам, установленным государством. Депортация успешно перековала калмыков в советских калмыков, этничность которых была переформатирована.

Как уже отмечалось, калмыки не делились пережитым в Сибири со своими детьми, но те, кто дожил до взрослеющих внуков, решились рассказать о прошлом третьему поколению (см.: [Шевенова, Гучинова 2005]). В последние десятилетия возник запрос на живые устные рассказы о депортации; по существу, это запрос на коммуникативную память, доступ к которой был далеко не у всех. Потому так востребованы последние проекты документального кино с рассказами живых свидетелей. Их лица, возраст, личные имена и упоминаемые ими названия сибирских населенных пунктов придают документированность свидетельствам.

К кому же были обращены скрытые спектакли — мобильные постановки — кроме их участников? Через разные медиа они адресовались многим пострадавшим от сталинизма группам населения и их потомкам как пример работы с травматическим прошлым в публичном пространстве. Если не разбираться в истории депортации народа и ее причинах, следующее поколение воспримет этот период в «софт-версии», тем более что после Поездов памяти свидетелей такой версии истории — эшелоны.

Источники

Публикации

Бакаев и др. 1993 — Книга памяти ссылки калмыцкого народа: Сб. документов и материалов / [Сост. П. Д. Бакаев и др.; Вступ. ст. В. Б. Убушаева и др.]. Т. 1: Ссылка калмыков: как это было. Кн. 1. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993.

Бакаев и др. 2002 — Память сердца (Воспоминания участников Поезда Памяти «Дети войны — дети Сибири (1943–1957 гг.)») / [Под ред. К. Н. Илюмжинова; Ред. кол.: П. Д. Бакаев и др.]. Элиста: АПП «Джангар», 2002.

Поезд 2002 — Поезд Памяти свяжет прошлое и настоящее // Известия Калмыкии. 2002. 1 окт.

Няченко 1994 — Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2: Широкстрой: Широклаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / Сост. и вступ. ст. Р. В. Няченко. Элиста: Джангар, 1994.

Панькин, Папуев 1994 — Панькин А., Папуев В. Дорогой Памяти. Элиста: АПП «Джангар»; ИЧП «Алтын Туг», 1994.

Шакуев 2018 — Шакуев В. Исповедь каторжанки // Стихи.ру. 2018. 14 нояб. URL: <https://stihi.ru/2018/11/14/5130>.

Видеоматериалы

Вечер памяти 2018 — Вечер памяти «Душа моя жестоко ранена»: [Видеозапись] // Калмыцкая этнокультурная гимназия. 2018. 27 дек. URL: <http://school08.ru/2018/12/27>.

Концерт 2020 — Концерт мастеров искусств Калмыкии к 100-летию автономии РК: [Видеозапись] / Бумба Медиахолдинг. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3v5iu5ELWzk>.

Тарбаев 2014 — Они смогли, и мы сможем: [Док. фильм] / Проект С. Тарбаева; Бумба Медиахолдинг. 2014. 36:40 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QJJ4SpyvA0>.

Санджиев 2020 — О проекте «Они смогли и Мы сможем» / Авт. сценария А. Санджиев. 2020. 4:57 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VmkaDt1deI&feature=share&fbclid=IwAR0EXFVGywRz731ZTPHrxeJQ0KtnU1V5ayjDatjGcqp6nkqNRlsRVSU49Q>.

Манджиев 2020 — Сестры: [Док. фильм] / Реж. М. Манджиев. 2020. 13:38 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p4dFtVbYtbk&t=610s>.

Мукабенова 2000 — Страницы печали... Широклаг: [Передача Калмыцкого ТВ] / Авт. И. Мукабенова. Ч. 1. 2000. 35 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vryM4FwYY3c>.

Чемидова 2018 — Калмыки: Возвращение: [Док. фильм] / Руководитель проекта, авт. сценария Л. С. Чемидова; СМУ ИКИАТ. 1 час 28:41 мин. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hSB_CYGsAO8&t=54s.

Литература

Александр 2013 — Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурно-социология / Пер. с англ. Г. Ольховикова. М.: Практис, 2013.

Ассман 2019 — Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.

Габович 2020 — Габович М. Святой остров Трептов: постмигрантские и трансграничные военно-мемориальные практики в современном Берлине // Памятник и праздник: этнография Дня Победы / Под ред. М. Габовича. М.: Нов. лит. обозрение, 2020. С. 383–410.

- Гучинова 2005а — Гучинова Э.-Б. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы. Штутгарт: Ibidem, 2005.
- Гучинова 2005б — Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь: Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 400—442.
- Гучинова 2008 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя «Сибирь». Ссыльные калмыки в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194—220.
- Гучинова 2019а — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нараповой) // Oriental Studies. 2019. № 3. Р. 397—422. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422>.
- Гучинова 2019б — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Интервью с В. П. Санчировым // Монголоведение. 2019. № 3. С. 543—563. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-32-543-563>.
- Гучинова 2019с — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь: Биографическое интервью с Е. А. Буджаловым. Введение // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 222—269. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-1-9-222-269>.
- Гучинова 2020а — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Интервью с О. Л. Манджиевым // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 212—228. <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/13>.
- Гучинова 2020б — Гучинова Э.-Б. М. Депортация калмыков в Сибирь (1943—1956 гг.): устные рассказы как мягкие формы памяти // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 95—100. <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2020-4-95-100>.
- Добренко 2020 — Добренко Е. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1. М: Нов. лит. обозрение, 2020.
- Жеребкина 2006 — Жеребкина И. Феминистская интервенция в сталинизм, или Сталина не существует. СПб.: Алетейя, 2006.
- Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010.
- Очирова 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. / Отв. ред. Н. Г. Очирова. Т. 2. Элиста: ИД «Герел», 2009.
- Шагоян 2021 — Шагоян Г. Предисловие ко второму изданию // Гучинова Э.-Б. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Элиста: КНЦ РАН. (В печати).
- Шевенова, Гучинова 2005 — Память в наследство: Депортация калмыков в школьных сочинениях / Сост. С. И. Шевенова, Э.-Б. М. Гучинова. СПб.: Алетейя, 2005.
- Щеглова 2019 — Щеглова Т. К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939—1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений // Мир Большого Алтая. Т. 5. № 2. 2019. С. 197—231. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231>.
- Юрчак 2016 — Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Эткинд 2016 — Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Debord 1983 — Debord G. Society of the spectacle. Detroit: Black & Red, 1983.
- Oushakine 2013 — Oushakine S. A remembering in public: On the affective management of history // Ab Imperio. 2013. No. 1. С. 269—302.
- Roxworthy 2008 — Roxworthy E. The spectacle of Japanese American trauma: Racial performativity and World War II. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 2008.

Takezawa 1995 — Takezawa Y. Breaking the silence: Redress and Japanese American ethnicity. Ithaca: Cornell Univ. Press.

References

- Aleksander, Dzh. (2013). *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tur-sotsiologiya* [Trans. from Alexander, J. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*. Praksis. (In Russian)].
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Trans. from Assmann, A. (1999). *Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Deutsche Verlags-Anstalt; (2018). *Formen des Vergessens*. Wallstein Verlag; (2014). *Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Gabovich, M. (2020). Sviatoi ostrov Treptov: postmigrantskie i transgranicnye voenno-memorial'nye praktiki v sovremenном Berlinie [Holy island Treptow: Post-migrant and cross-border war memorial practices in contemporary Berlin]. In M. Gabovich (Ed.). *Pamiatnik i prazdnik: etnografija Dnia Pobedy* (pp. 383–410). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2005a). *Pomnit' nel'zia zabyt'*: Antropologija deportatsionnoi travmy [Forget not remember: Anthropology of deportation trauma]. Ibidem. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2005b). U kazhdogo svoia Sibir': Dva rasskaza o deportatsii kalmykov [Everyone has his own Siberia: Two stories about the deportation of Kalmyks]. *Antropologicheskii forum*, 3, 400–442. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2008). U kazhdogo svoia "Sibir": Ssyl'nye kalmyki v Srednei Azii [Everyone has his own "Siberia": Exiled Kalmyks in Central Asia]. *Diaspora*, 2008(1), 194–220. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2019a). U kazhdogo svoia Sibir'. Dve istorii o deportatsii kalmykov (interv'iu s S. M. Ivanovym i S. E. Naranovoi) [Everyone has his own Siberia: Two stories about the deportation of Kalmyks (interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova)]. *Oriental Studies*, 2019(3), 397–422. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2019b). U kazhdogo svoia Sibir'. Interv'yu s V. P. Sanchirovym [Everyone has his own Siberia: Interview with V. P. Sanchirov]. *Mongolovedenie*, 2019(3), 543–563. (In Russian).
- Guchinova E.-B. M. (2019c). U kazhdogo svoia Sibir': Biograficheskoe interv'iu s E. A. Budzhalovym [Everyone has his own Siberia: Biographical interview with E. A. Budzhalov]. *Bulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2019(1), 222–269. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2020a). U kazhdogo svoia Sibir'. Interv'iu s O. L. Mandzhievym [Everyone has his own Siberia: Interview with O. L. Mandzhiev]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020(2), 212–228. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2020b). Deportatsiiia kalmykov v Sibir' (1943–1956 gg.): ustnye rasskazy kak miagkie formy pamiatii [Deportation of the Kalmyks to Siberia (1943–1956): Oral stories as soft forms of memory]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020(4), 95–100. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231>. (In Russian).
- Debord, G. (1983). *Society of the spectacle*. Black & Red.
- Dobrenko, E. (2020). *Pozdnii stalinizm: Estetika politiki* [Late Stalinism: The aesthetics of politics] (Vol. 1). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Etkind, A. (2016). *Krivoe gore: Pamiat' o nepogrebennykh* [Crooked grief: Memory of the unburied]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Maksimov, K. N. (2010). *Velikaia Otechestvennaia voina: Kalmykiia i kalmyki* [Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks]. Nauka. (In Russian).

- Ochirova, N. G. (2009). *Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Kalmykia from ancient times to the present day] (Vol. 2). ID “Gerel”. (In Russian).
- Oushakine, S. (2013). A remembering in public: On the affective management of history. *Ab Imperio*, 2013(1), 269–302.
- Roxworthy, E. (2008). *The spectacle of Japanese American trauma: Racial performativity and World War II*. Univ. of Hawai'i Press.
- Shagoyan, G. (2021). Predislovie ko vtoromu izdaniyu [Foreword to 2nd edition]. In E.-B. Guchinova. *Pomnit' nel'zia zabyt'*. Antropologija deportatsionnoi travmy kalmykov. KNTs. (Forthcoming). (In Russian).
- Shcheglova, T. K. (2019). Antropologija ekstremal'nosti: sotsial'naia i kul'turno-bytovaia adaptatsiya etnicheskikh deportantov (1939–1949 gody) i prinimaiushchego sel'skogo obshchestva na iuge Zapadnoi Sibiri v kontekste prinuditel'nykh pereselenii [Anthropology of extremeness: social, cultural and everyday adaptation of ethnic deportees (1939–1949) and the host rural society in the south of Western Siberia in the context of forced resettlements]. *Mir Bol'shogo Altaia*, 5(2), 197–231. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231>. (In Russian).
- Shevenova, S. I., & Guchinova, E.-B. M. (Eds.) (2005). *Pamiat' v nasledstvo: Deportatsiya kalmykov v shkol'nykh sochineniakh* [Inherited memory: Deportation of Kalmyks in school essays]. Aleteiia. (In Russian).
- Takezawa, Y. (1995). *Breaking the silence: Redress and Japanese American ethnicity*. Cornell Univ. Press, 1995.
- Yurchak, A. (2016). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Zherebkina, I. (2006). *Feministskaia interventionsiia v stalinizm, ili Stalina ne sushchestvuet* [Feminist intervention in Stalinism, or Stalin does not exist]. Aleteiia. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Эльза-Баир Мациковна Гучинова
доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник,
Калмыцкий научный центр РАН
Россия, 358000, Элиста, ул. Илишкина, д. 8
Тел.: +7 (84722) 3-55-06
✉ bairjan@mail.ru

Information about the author

Elza-Bair M. Guchinova
Dr. Sci. (History)
Leading Researcher;
Kalmyk Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 358000, Elista, Ilishkina Str., 8
Tel.: +7 (84722) 3-55-06
✉ bairjan@mail.ru